

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РЕСПУБЛИКИ

Можно ли в одной статье соединить рассказ о лауреатах Государственной премии республики 1982 года — народной артистке СССР ЛИЛИТЕ БЕРЗИНЕ и народном артисте республики ПЕТЕРИСЕ ЛУЦИСЕ? Как ни странно, это оказалось не так трудно. Наверное, потому, что оба наши мастера сцены — люди с пылающими сердцами и жаждой поэзии в искусстве.

такую разностороннюю Анну мне не посчастливилось больше увидеть. Никто не в состоянии сравниться с нашей Лилитой (так коллеги зовут уважаемую актрису), Анна—Берзиня знает, как быть аристократически величественной в обществе. Кстати, в недавней телевизионной передаче с участием режиссера Арнольда Линья Л. Берзиня говорила об одном негативном моменте в работе молодых коллег. Нередко актер выходит на сцену репетировать роль то ли короля, то ли вельможи в джинсах и неряшливой одежде.

Какова душа женщины? Образы Лилиты Берзини во многом отвечают на этот вечный вопрос. И если сегодня в сценическом варианте «Обрыва» А. Гончарова нас так покоряет Бабушка Берзини, то причинной тому — кредо актрисы: человек должен быть сильным, только тогда мир станет более совершенным. А самые большие жизненные тяготы часто берет на себя именно женщина.

Кроме того, Лилита Берзиня доказала, как важно художнику быть в центре жизни. Общественные обязанности,

всего остался с его звучным смехом.

Как член семьи Валмиерского театра Петерис Луцис сначала блеснул своей постановкой комедии К. Крапивы «Кто смеется последним». Здесь снова великолепно играли свою роль Артур Калейс и Эльза Баруне. Сложное было время. Анна Лацис радовала нас общественно заостренной публицистикой, Петерис Луцис — психологически-графическим рисунком. Именно тогда П. Луцис пригласил меня работать в руководимый им коллектив. И мне раскрылся характер Маэстро во всей его глубине.

Самым существенным качеством Петериса Луциса хочу назвать детскую, негибкую веру в Человека. Случалось, он кого-то осуждал. Но проходило время, и Луцис находил оправдания, умел отличить хорошее от плохого. Он никому не отказывал выступить, помочь в чем-либо. Маэстро и в своей непосредственной работе весьма своеобразно руководит коллективом. Если какой-нибудь молодой режиссер ставит пьесу, он не берет на себя функции «правщика» или консультанта. Главный режиссер приходит только на сдачу спектакля и вместе с художественным советом оценивает работу коллег. Разумеется, умный юноша сам придет и попросит помощи.

Иногда мучит мысль, не слишком ли растрчивает себя Маэстро на всякие косвенные дела: ведь главное все-таки театр. Однако никто не может его убедить, что здоровье надо беречь, что нельзя без конца ездить из одного конца Латвии в другой, то с работниками бюро кинопропаганды, то с концертными

программами. Его можно видеть всюду: среди колхозников, рыбаков, школьной молодежи, представителей самых разных профессий. Подобно героям романов Вилса Лациса, П. Луцис усвоил истину, что в жизни главное — закалка, умение мобилизоваться и... неумение беззаботно проводить время. Две последние роли — Матнас Клаузен и отец Индрану тоже потребовали много энергии и сил. Но эти роли доказали одно: принципы П. Луциса коренятся глубоко и отражают самую философию жизни. Склонный к эффектам, несколько громкий в повседневном быту, в искусстве П. Луцис стоит за тишину, в которой хорошо слышен стук пылающего сердца. В многочисленных спорах о том, что должно победить в театральном искусстве — сердце или разум, чувство или мысль, эмоции или интеллект, седой мастер нашел ответ: мудрость сердца.

В постановках П. Луциса на первом месте всегда был актер, хотя на репетициях этим самым актерам приходится трудно, потому что, как говорят, «Луцис сидит на фразе» — до тех пор, пока не извлечет нужную интонацию. В практике театра известен случай, когда из-за одной фразы Маэстро «муштровал» актрису три часа (другие коллеги за это время трижды в Гауе искупались), пока наконец воскликнул: «Накопец-то!». Луцис считает своими учителями Алексиса Миерлаука, Людмилу Шпилбергу, Мирдазу Шмитхене, и у него целое «собрание» рассказов о том, как он с ними встречался, что он взял от них на всю жизнь. Любимое изречение П. Луциса: «Ни одно достижение не бывает столь хорошо, чтобы нельзя было желать еще лучшего». И после этой фразы звучит его неповторимый смех. И вообще, когда к театру приближается Маэстро, кажется, гремит земля и сотрясаются стены старого театра. Ибо через мгновение во всю мощь начнется репетиция.

Обоим лауреатам республиканской премии пожелаем труда. Труд и бодрости.

Г. Трейманис.

Поэзия пылающих сердец

Войдет ли он в образ? Вопрос риторический.

Когда Лилита Берзиня — Анна выходила в фиолетовом наряде и говорила Вронскому: «Любовь... Я оттого и не люблю этого слова, что оно для меня слишком много значит, больше гораздо, чем вы можете понять», — мы верили каждому слову, каждому оттенку голоса, именно необычность голоса очаровывала зрителей. Он волновал скрытой чувственностью, в нем струилась бесконечная печаль, он становился нежным, он мог звучать и сурово, в нем никогда не было заученных интонаций, а лишь пьянящее смятение бурных чувств и переживаний. Есть чему поучиться молодым актрисам, еще не ставшим властительницами своего голоса.

...Шли годы. И долго еще в памяти жила Анна в элегантном черном платье с приколотым на груди букетиком фиалок, Анна, кружащаяся в вальсе, наполненная внутренним ликованием, увлеченная, все забывшая...

бурлящие театральные будни, праздники и ненастья, которые тоже случаются, не утомили актрису. Ее ждут повсюду, горячие поклонники ее таланта вновь и вновь жаждут внимания поэзии пылающего сердца актрисы.

Совсем по-иному я узнал другого лауреата — Петериса Луциса. Прежде всего это был Оскар в киноленте «Сын рыбака». О нем так много писали, что на сей раз я буду говорить о другом. В нынешнем здании телестудии, после войны, Елгавский театр давал свои премьеры. Тогда мы и познакомились с Петерисом Луцисом как с режиссером. Интересно, что наряду с серьезными драмами — «Софья Ковалевская» (с удивительной Вилмой Лиепиней в главной роли), «Глубокие корни» (с Эльзой Радзиней, Эльзой Баруне и совсем молодой Верой Сингаевской) Луцис много ставил и комедий. «Тюркаре» и «Ночь ошибок» так искрились весельем, что в моей памяти Маэстро прежде

В юношеские годы я имел возможность каждый вечер проводить в актерской ложе Театра драмы, но меня манили огни рампы Художественного. В то время (в начале 40-х годов) Драма была яркой выразительницей «реально-психологического» стиля, а Художественный театр — «романтически насыщенного», фантастического. В этом театре шли пьесы, названия которых не требуют комментария: «Орлеанская дева», «Пер Гюнт», «Фауст», «Интервенция», «Заговор Фнеско в Генуе», «Мирандолина». А в главных ролях Лилита Берзиня — Жанна д'Арк, Сольвейг, Маргарита, Жанна Барбье, Импералия, Мирандолина. Способна ли подготовить сегодня какая-нибудь актриса подобные роли за три сезона?.. Самое прекрасное — наблюдать за любимой актрисой, когда она задолго до спектакля шла в театр, не замечая прохожих, потому что впереди ждала трудная работа — спектакль. Высокое мастерство шлифовалось в неустанном труде. Не было времени репетировать, спорить на репетициях. Нужно было серьезно работать, чтобы за полтора месяца подготовиться к очередной премьере. Образ приходилось создавать интуитивно. Эдуард Смильгис намечал основные линии, а Фелицита Эртнере, как добрый товарищ, помогала найти психологическую нить роли. Потом наступал день премьеры, и образ, созданный Лилитой Берзиней, уже принадлежал нам всем.

Когда я учился в 8-й средней школе рабочей молодежи им. Я. Райниса, я бывал свободен по вечерам лишь в среду, субботу и воскресенье. Но «Анна Каренина» Льва Толстого игралась по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам. Что делать? Оставалось одно: отсидав в школе первый урок, сбежать с последующих, чтобы увидеть Лилиту Берзиню. Сегодня я считаю, что